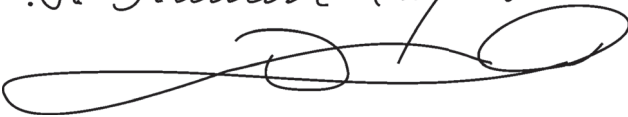

SANTIAGO
RAMON Y CAJAL

RECOLLECTIONS OF MY LIFE

S. Ramon Cajal

Рамон-и-Кахаль С.

ИЗБРАННЫЕ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ
ТРУДЫ

Книга 4

АВТОБИОГРАФИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ
О МОЕЙ ЖИЗНИ

Под редакцией
В.С. Воробьева, Р.Р. Исламова

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ГЭОТАР-Медиа»
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	15
Предисловие редакторов	17
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	35
Глава I. Мои родители, место рождения и раннее детство	37
Глава II. Запоздалое путешествие на родину. Бедность моих товарищей-горожан. Бедный и затерянный город, выглядящий как символ Испании	42
Глава III. Мое раннее детство. Преподавательское призвание отца. Мои характер и склонности. Любовь к природе и страсть к птицам	45
Глава IV. Мое пребывание в Вальпальмасе. Три решающих события моего детства — празднование наших побед в Африке, поражение школы молнией и солнечное затмение в 1860 г.	48
Глава V. Айербе. Детские игры и шалости. Воинственные и художественные наклонности. Мои первые экспериментальные наблюдения в оптике и баллистике. «Военное искусство»	52
Глава VI. Проявление моих художественных наклонностей. Мнение домашнего художника о моих способностях. Прощайте, мои мечты стать художником! Утилитаризм и идеализм. Отец решает готовить меня к изучению медицины и посылает в Хаку	55
Глава VII. Мой приезд в Хаку. Живописные берега Гальего. Мой дядя Хуан и вегетарианская диета. Латинский язык и священники. Напрасные попытки монахов подчинить меня. Возвращение к моему сумасшедшему увлечению рисованием	59
Глава VIII. Отец Хасинто, мой учитель латинского языка. Карфагеняне и римляне. Царство террора. Моя ненависть к учебе. Возрастание моей художественной и романтической лихорадки. Река Арагон — символ народа	60

Глава IX. Моя нерадивость к учебе продолжается. Наказания содержанием взаперти и постами. Уловки, которые я использовал, чтобы избежать их. Экзамены. Мое возвращение в Айербе и возобновление прежних занятий.	62
Глава X. Мое возвращение в Айербе. Новые военные подвиги. Деревянная пушка. Три дня в тюрьме. Символический мушкет	64
Глава XI. Отец посылает меня в Уэску продолжать занятия. Изучение города. Кафедральный собор, Сан Педро, Сан Хорхе и гора Арагон. Наши наставники	65
Глава XII. Мои новые партнеры. Ученические ссоры. Серьезные последствия ношения длинного пальто. Случай на пруду. Очарование цветом и словарь красок. Нет роз без шипов	66
Глава XIII. Каникулы. Мрачные картины. Открытие библиотеки с романами. Мой романтический пыл воспламеняется снова. Робинзон Крузо и Дон Кихот	68
Глава XIV. Мои необдуманные и глупые действия продолжают; отец устраивает меня учеником в парикмахерскую. Мой брат Педро. Сеньор Асискло. Хвастуны и заговорщики. Метание камней. Стычки с полицией. Наслаждение богов. Тревога публики в связи с камнеметанием	70
Глава XV. Неприязнь ко мне учителя греческого языка. Отец решает строго наказать меня, определив на учебу к сапожнику. Мои успехи в сапожном деле. Атака на Линás. Размышления о смерти.	72
Глава XVI. Мое возвращение к учебе. Меня принимают в художественную школу. Мои преподаватели по риторике и психологии. Впечатление, произведенное уроками философии. Неудачная выходка. В поисках безумных приключений	74
Глава XVII. Два открытия, вызвавшие у меня неописуемое изумление: железная дорога и фотография. Начало моих занятий анатомией. Ограбление кладбища. Память на вещи и книги. Зарождение любви.	77
Глава XVIII. Сентябрьская революция в Айербе. Разрушение колоколов. Ненависть горожан к сельской полиции. Мои учителя физики, математики и т.д. Я, наконец, примиряюсь с геометрией и алгеброй, хотя слишком поздно. Я получаю степень бакалавра. ...	80

Глава XIX. Я начинаю обучение медицине в Сарагосе. Эбро и ее тополевы аллеи. Мои преподаватели вводного курса: Бальярин, Гвальярт и Солано. У меня проявляется интерес к препаровке трупов под руководством отца 83

Глава XX. Мои профессора на медицинском факультете. Дон Мануэль Дайна и премия по топографической анатомии. Необычный метод проведения экзамена. Наш декан дон Хенаро Касас. Моя самонадеянность в споре. Краткие заметки о некоторых профессорах и инцидентах, которые произошли на их кафедрах . . . 86

Глава XXI. Я продолжаю занятия без серьезных неудач. Мания к занятиям литературой, гимнастикой и философией. Моя мышечная удаля. Венера Милосская. Дуэль на кулаках. Соревнования в поднятии тяжестей. Непостижимые капризы женщин 89

Глава XXII. Закончив курс обучения медицине, я поступаю на медицинскую службу в армию. Я попадаю в войска, сражающиеся против карлистов. Патриотическое чувство к Испании у каталонцев. Мой переход в экспедиционные войска, отправляющиеся на Кубу. Разговор между двумя друзьями, стремящимися к заграничным путешествиям. Посадка на корабль в Кадисе по пути в Гавану 94

Глава XXIII. Прибытие в Гавану. Меня назначают в полевой госпиталь Виста Эрмоса [«Vista Hermosa»]. Вскоре я заболеваю малярией. Мои вымученные занятия английским языком. Моя болезнь ухудшается, и мне дают отпуск для лечения в Пуэрто Принсипе. После начала выздоровления я получаю назначение в лазарет Сан Исидро на «Trocha del Este» («Восточная Дорога»). Жизнь на La Trocha. Мое донкихотство приводит меня к попытке исправить злоупотребления администрации, единственный результат которой — обвинение меня командующим вооруженными силами. 98

Глава XXIV. Мои развлечения в Сан Исидро. Танцы негров и арфа савояра. Моя болезнь ухудшается; просьба о временной замене на посту отклонена. Я прошу о полном увольнении. Благодаря приказу об эвакуации всех военнослужащих с дороги (Trocha) я, наконец, покидаю свое место работы. Месяц в госпитале Сан Мигель 104

Глава XXV. Мой переезд в Гавану, где болезнь повторилась. Путешествие домой на пароходе «Испания». Тела солдат сброшены в океан. Трансатлантические шулеры. Любовь и малярия. Мое возвращение к изучению анатомии. 106

Глава XXVI. Решив посвятить себя академической карьере, я получаю степень доктора медицины и готовлюсь к экзаменам на звание профессора. Начало микроскопических исследований. Неудача, как и следовало ожидать, на моих первых экзаменах. Дефекты моего интеллектуального и социального образования. Частично исправив это, я, наконец, добиваюсь успеха и получаю кафедру описательной анатомии в университете Валенсии 109

Глава XXVII. У меня появляется серьезное заболевание легких. Депрессия и безнадежность во время лечения в Панतिकосе. Выздоровление в Сан Хуан де ла Пенья. Занятия фотографией как пища моим неудовлетворенным художественным наклонностям. Я женюсь и вхожу в семейные заботы, которые не препятствуют прогрессу моих исследований. Ошибочные прогнозы родителей и друзей относительно моей женитьбы. Мои первые научные попытки 114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЯ МОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ 119

Глава I. Мои первые попытки научных исследований. Монографии о воспалении и о нервных окончаниях. Познание себя и людей науки. Я убеждаюсь в своих скромных способностях. 121

Глава II. Переезд в Валенсию. Прогулки по городу и его окрестностям. Ораторы валенсийского атенея. Эпидемия холеры в 1885 г. и профилактические прививки доктора Феррана. По поручению комитета в Сарагосе по изучению вакцинации против холеры я читаю лекции в столице Арагона, и комитет отмечает мой труд публикацией моих исследований и дарит великолепный микроскоп. Результаты моих исследований холеры. Я печатаю книгу по гистологии. Чудеса этой науки и мой научный лиризм ... 125

Глава III. Я решаю напечатать свою работу за границей. Приглашение от профессора В. Краузе из Геттингена посылать работы в его журнал. Исследования эпителия и мышечных волокон. Мои первые работы по нервной системе. Неожиданные трудности. Превосходные качества метода Гольджи и чрезмерный национализм ученых. Мои развлечения в Валенсии: посещения Gaster-клуба и чудеса внушения и гипнотизма 135

Глава IV. Переход на кафедру гистологии в Барселону. Мои новые коллеги по факультету. Группа в кафе де Пелайо. Мои исследования по нервной системе приводят к интересным результатам. Моя повышенная научная продукция в 1888 г. вынуждает меня начать выпуск журнала «Revista de Histología». Законы морфологии и связей нервных клеток. Я, наконец, избавляюсь от порока — увлечения шахматами 143

Глава V. Некоторые детали в моих публикациях 1888 г. «Корзинчатые окончания» мозжечка, аксоны «зернистых» клеток и моховидные и лазающие волокна. Решающее значение этих открытий для выяснения проблемы межклеточных связей. «Ретикулярная теория» Герлаха и Гольджи. Гениальные предположения Гиса и Фореля. Подтверждение на сетчатке и зрительной доле «законов связи», выведенных при анализе мозжечка. Структурная организация спинного мозга. Установление способа окончания афферентных и чувствительных нервов в центрах. Другие менее важные работы 150

Глава VI. Чрезмерная сдержанность ученых по отношению к моим публикациям. Чтобы развеять сомнения, я решаю продемонстрировать свои препараты перед Германским анатомическим обществом. В Берлине я лично знакомлюсь со знаменитыми гистологами: Альбрехтом Кёлликером, Гисом, Вальдейером и другими немецкими учеными. Мое посещение гистологической лаборатории В. Краузе в Геттингене. Короткое путешествие по северу Италии. Личные впечатления о германских ученых 161

Глава VII. Моя активность продолжается с возрастающей энергией. Исследование развития нервной системы (спинной мозг и мозжечок). Любопытная структура в мышечных волокнах насекомых. Мои исследования обонятельной луковицы полностью подтверждают учение о контакте. Интересные открытия в коре больших полушарий млекопитающих. Известные ученые, одобрявшие, подтверждавшие или популяризовавшие мои идеи. Некоторые разочарования и неприятности 165

Глава VIII. Моя работа в 1891 г. В сотрудничестве с Ван Гехухтенем я формулирую принцип динамической поляризации нейронов. Я завершаю свои более ранние исследования головного мозга и сетчатки и начинаю анализ симпатических ганглиев. Неожиданный

успех моих популярных лекций о фундаментальной структуре нервной системы. Экзамены на занятие кафедры гистологии в Мадриде. Переезд в столицу в 1892 г. 175

Глава IX. Переезд в столицу. Моя резиденция на улице Аточа, около Сан Карлоса. Краткие воспоминания о некоторых моих друзьях и коллегах по факультету, которых уже нет в живых 184

Глава X. Опасности, подстерегающие научного работника в Мадриде. Соблазны научного, литературного и художественного «дилетантства». Мои духовные развлечения: прогулки в окрестностях Мадрида и кружок Café Suizo. Новые исследования о структуре мозга. Я начинаю публиковать свою главную работу о структуре нервной системы позвоночных. 186

Глава XI. Лондонское королевское общество приглашает меня в качестве «Scoopian»-лектора. Моя лекция перед этим обществом. Официальные банкеты и другие мероприятия. Визиты в научные лаборатории Лондона и поездка в университеты Кембриджа и Оксфорда. Мне присваивают звание доктора наук «honoris causa». Личные впечатления от английской науки и организации английских преподавательских центров. 191

Глава XII. Мои исследования в 1894, 1895 и 1896 гг. Новые отношения, наблюдаемые в структуре продолговатого мозга, моста, таламуса, полосатого тела, шишковидной железы, гипофиза, сетчатки, ганглиев и т.д. Некоторые наблюдения о структуре протоплазмы и ядра. Чтобы устранить возможные возражения, я подтверждаю с помощью метода окрашивания метиленовым синим по Эрлиху самые важные факты, открытые с помощью хромата серебра 196

Глава XIII. Эскизы характеров некоторых национальных деятелей: Кастелар, Сальмерон, Хинер де лос Риос, Морайята и т.д. 202

Глава XIV. Теории и факты. Стойкость и постоянство гистологических фактов. Инструментальный характер гипотезы. Желательность использования гипотез время от времени, но без излишней веры в них. Физиологические заключения, вытекающие из морфологии нейронов. Гистологическое объяснение навыков, умственного прогресса на зоологической лестнице, таланта и гения. Предположения о механизме сна, внимания и ассоциаций. Жесткая экономия, господствующая при создании жизни; законы экономии пространства, материи и времени проведения 204

Глава XV. Моя научная продукция в 1898 и 1899 гг. Подавленный колониальной катастрофой, я снижаю свою производительность. Литература периода возрождения, ее бесплодность для исправления национальных недостатков. Теория перекреста нервов и структура зрительного перекреста в ряду животных. Другие менее важные работы. 213

Глава XVI. Моя работа в 1899 и 1900 гг. Новые исследования коры больших полушарий — атака на мозг человека. Характерные элементы головного мозга человека. Структура зрительной области. Изучение слуховой, тактильной и обонятельной коры. Основание доктором Кортесо Национального института гигиены, директором которого назначают меня 217

Глава XVII. В связи с празднованием десятилетия со дня основания университета Кларка (США) — центра высшего образования — меня приглашают вместе с другими европейскими профессорами прочесть лекции. Жара в Нью-Йорке. Путешествие в Бостон и Вустер (штат Массачусетс), где имело место университетское празднество. Англосаксонский патриотизм. Некоторые духовные причины вышеупомянутой войны между США и Испанией. Учебные институты Бостона и Нью-Йорка 223

Глава XVIII. Страдая от тяжелого сердечного заболевания, я решаю жить в сельской местности, где организую лабораторию. В моем маленьком доме в Аманьеле я узнаю о присуждении мне международной премии, известной как Московская премия. Теплые поздравления друзей и коллег, восторженные приветствия студентов и торжественная церемония в университете. Мое обращение к молодежи на академическом празднике. Под влиянием прессы правительство соглашается открыть Лабораторию биологических исследований. Некоторые работы, осуществленные в 1900–1901 гг. ... 229

Глава XIX. Участие испанских гистологов в Международном медицинском конгрессе, состоявшемся в Мадриде в 1903 г. Общение с различными иностранными и отечественными профессорами. Демонстрация Симарро нового метода окрашивания нейрофибрилл. Отталкиваясь от этого интересного метода, я случайно открываю очень простую, надежную пропись для импрегнации нейрофибрилл, аксонов, центральных и периферических нервных окончаний. История открытия новой прописи и позднейшее ее усовершенствование. Благодаря новому методу я смог подтвердить свои прежние открытия и добиться новых 235

Глава XX. Мои открытия с помощью новой прописи серебряной импрегнации в 1903, 1904, 1905 гг. Истинная организация нейрофибрилярного скелета в нервной протоплазме и периферических разветвлениях; в сотрудничестве с Тельо я показываю любопытные физиологические изменения нейрофибрилярной сети под действием температуры; вместе с доном Д. Гарсиа выявлены изменения нейрофибрилл при бешенстве. Применение метода к эмбрионам и плодам и изучение у птиц и млекопитающих структуры ядер продолговатого мозга и происхождения слуховых, двигательных и чувствительных нервов. Нейрофибриллы у червей, в частности у земляного червя. Структурный анализ моторных концевых пластинок, нейронов сетчатки и других периферических чувствительных органов. Интересные морфологические находки в чувствительных и симпатических ганглиях человека и т.д.245

Глава XXI. Исследования 1905, 1906 и 1907 гг. Изучение регенерации нервов и центральных трактов. Противоречия между моногенистами и полигенистами. Нейронная теория торжествует после проверки, которой ее подвергли приверженцы теории цепи. Новые исследования генеза нервных трактов у эмбриона, также усиливающие концепцию нейрона. Факты, показывающие, что нейрофибриллы нервной клетки состоят из относительно автономных живых единиц252

Глава XXII. В течение двухлетия 1905–1906 гг. мне оказывают неожиданные почести и награждают. Золотая медаль Гельмгольца и Нобелевская премия. Поздравления и бесчисленные подарки. Беспокойства празднеств. Моя поездка в Стокгольм: церемонии, торжества и речи. Убожество нашего дипломатического представительства. Морет [Moret], всегда уделявший мне незаслуженное внимание, хочет сделать меня министром. Удивление некоторых политикованов моим отказом принять такой завидный пост.260

Глава XXIII. Моя полемика с Гельдом и Апати. Новые исследования продолговатого мозга, спинного мозга, сетчатки и других органов.274

Глава XXIV. Исследования, проведенные в десятилетие 1907–1917 гг. Сравнительно-анатомическое изучение мозжечка,

продолговатого мозга и происхождения двигательных и чувствительных нервов рыб, птиц и млекопитающих. Структура ядра нейрона. Переживание нейронов, удаленных из организма. Новые исследования дегенерации и регенерации в спинном мозгу, больших полушариях и мозжечке. Эксперименты по пересадке нервов. Наблюдения в пользу теории нейротропизма. Образование искусственных нервов в пересаженных ганглиях278

Глава XXV. Продолжение рассмотрения работ 1912–1917 гг. Некоторые новые методы исследования: уран-формоловый метод окрашивания внутриклеточного аппарата Гольджи и метод импрегнации золотом с сулемой для выявления нейроглии протоплазматического типа. Главные результаты, полученные на нервах и в мозговых центрах с помощью этих новых методов. Исследования глаза и сетчатки насекомых. Сетчатка головоногих моллюсков. Три книги, напечатанные в это время. Некоторые почетные награды, полученные от иностранных организаций283

Глава XXVI. Угнетающее влияние мировой войны. Смерть во время войны и в послевоенный период почти всех немногочисленных иностранных ученых, читавших по-испански. Исследования последних лет по сетчатке головоногих моллюсков и глазкам [простым глазам] насекомых. Вклад в познание первоначальных ошибок развития в сетчатке млекопитающих. Наблюдения эпителиофибрилл эпендимы и т.д.292

Глава XXVII. Эпилог. Моя преподавательская деятельность и духовное размножение. Выдающиеся ученики. Испанская школа в гистологии. Частичное осуществление моего научно-патриотического идеала. Способность испанцев к научным исследованиям. Чувство выполненного долга. Работа автора и его учеников и прямые последователи.298

Глава XXVIII. Postscriptum. Моя отставка как профессора. В этой связи на меня обрушивается поток наград и знаков отличия. Испанцы Америки. Награждение медалью Эчегарая. Книга в мою честь. Преувеличенная щедрость Испании: создание «Института Кахалья» и перепечатка моих разошедшихся работ304

Приложение	311
Список трудов Кахаля	311
Основные даты жизни и деятельности Кахаля	333
Список званий, наград, премий и почетных степеней Кахаля	336
Литература о Кахале	341
Заключение	348
Дополнение ко второму изданию	362
Вместо эпилога	381
Дополнительная литература второго издания	382

Глава I

Мои родители, место рождения и раннее детство

Я родился 1 мая 1852 г. в Петилья де Арагон, маленьком наваррском городке, расположенном по странному географическому капризу в центре провинции Сарагоса, неподалеку от Соса. Непоседливость медицинской профессии привела моего отца Хусто Рамона Касасуса, чистокровного арагонца и хирурга без высшего образования в то время, в это малоприметное селение, которое стало местом моего рождения и где я провел первые два года жизни.

Мой отец был человеком огромной энергии, чрезвычайно трудоспособным и полным благородных стремлений. Стесненный материально в первые годы своей профессиональной деятельности, так как не смог из-за недостатка денег закончить медицинский факультет, он решил завершить свою академическую карьеру, когда уже создал и содержал семью, даже ценой больших лишений. Это позволило ему сменить скромное звание хирурга второго класса на блестящий диплом врача и хирурга.

Когда мне было около 6 лет, он проявил это похвальное стремление. Примерно в 1849–1850 гг. ему сильно захотелось стать настоящим и большим хирургом. Он достиг своей цели, слава о его врачевании вскоре распространилась по большей части Наварры и верхнего Арагона и принесла ему доход, не говоря уже об удовлетворении личной чести.

Медицинский округ Петилья был одним из тех, которые доктора называют «округ-шпора»; отец находился на службе и был обязан обходить ежедневно дикие и лесистые места своего округа, полные обильной и разнообразной дичи. Это пробудило в отце страсть к охоте, так что он увлекся охотой на зайцев, кроликов и куропаток с таким же рвением и постоянством, каким он занимался любыми делами.

С прибылью, получаемой от куропаток и пациентов, он смог после двух лет пребывания в Петилье скромно обставить дом и жениться на девушке из своего родного города, которую полюбил на многие годы.

Моя мать, по рассказам тех, кто знал ее в молодости, была здоровой красивой горянкой, родившейся и выросшей в городке Ларрес около Хаки, вблизи дороги на Панतिकосу. Они познакомились детьми (отец также родом из Ларреса), привязались друг к другу в юности и решили пожениться, как только позволит их скромный капитал, который накапливался работой и бережливостью.

К сожалению, у меня нет портретов родителей в молодости, ни даже в более зрелые годы. Приводимые фотографии (рис. 1) сделаны, когда они находились в пожилом возрасте — более 70 лет.

Рис. 1. Родители Кахалья: Хусто Рамон и Антония Кахаль

Ни красота моей матери, ни превосходные черты ее характера, ни одно другое качество не перешли к любому из четырех братьев и сестер, которые были физически и духовно почти полными копиями нашего отца; обстоятельство, которое приговорило нас в семейной жизни к монотонной и надоедливой, сентиментальной атмосфере.

Но я не могу пожаловаться на свою биологическую отцовскую наследственность. Он был человеком сильного ума, в котором прекраснейшие качества находили высшее выражение. Со своей кровью он

передал мне черты характера, благодаря которым я приобрел все, что во мне есть: глубокую веру в волю и труд человека, убежденность, что упорство и обдуманное действие способны к формированию и организации любой вещи — от мышцы до мозга, возмещая несовершенство природы и даже преодолевая недостатки характера — самая трудная вещь в жизни. От него я приобрел также прекрасное стремление быть чем-то стоящим и понимание того, как надо не бояться жертв ради исполнения своих желаний или же не отклоняться от прямого пути из-за побочных мотивов или незначительных поводов. Однако мне так и не удалось понять его прекрасные умственные качества, его чрезвычайную память. Она была настолько большой, что как студент он мог цитировать наизусть работы по патологии в нескольких томах и мог вспомнить после однократного прослушивания места с сотнями слов, взятыми наугад. Большая память с ее природной органической цепкостью увеличивалась у него еще больше посредством остроумных ассоциаций, которые напоминают одну из знаменитых и крайне искусственных ассоциаций аббата Moigno⁴.

Чтобы иметь представление о силе воли отца, я расскажу в нескольких словах его биографию. Сын скромных фермеров Ларреса (Уэска), имея старших братьев, которые по закону обладали правом наследовать и обрабатывать поля бедного родового поместья, он покинул отцовский дом очень молодым и обучался подмастерьем у хирурга Хавьерре де Латре, в деревне по берегам реки Гальего, недалеко от Ансáниго. Там он выучился профессии парикмахера и кровопускателя, проведя 8–10 лет со своим учителем, достойным хирургом.

Кто-то, но только не мой отец рассматривал бы свою карьеру полностью законченной или считал бы как идеал или венец своих стремлений получение скромного звания санитаря [брата милосердия]. Блестящее искусство лечения, продемонстрированное его учителем, прилежное изучение всех книг по хирургии, к которым он мог иметь доступ (имелась богатая коллекция этих книг на полках его учителя), забота и помощь многочисленным больным, которых доверял ему учитель, распоз-

⁴ Moigno — L'abbé François-Napoléon-Marie (1804–1884), французский ученый и публицист, известен своими трудами по математике, главный из них: «Лекции по дифференциальному и интегральному исчислению методом Коши». Был членом ордена иезуитов, эмигрировал в связи с революцией 1830 г. в Швейцарию, где, не прерывая основных занятий, выучил 8 языков (нем., англ., итал., исп., голланд., португ., древнееврейский и арабский) и усовершенствовал свои знания в греческом и латинском языках (*ред.*).

навший исключительное усердие своего ассистента, пробудили в отце окончательное решение заняться медициной.

Итак, решившись избавиться от своего бедного и скромного положения, однажды, когда ему было около 29 лет, он потряс своего учителя требованием выплаты скромной заработной платы. Покинув учителя и с небольшим количеством денег, данных ему родителями, он пешком пошел в Барселону, где, наконец, после многих дней лишений (в Сарриа) он нашел парикмахерскую, хозяин которой разрешил ему работать и посещать университет с целью освоения профессии хирурга.

Воздерживаясь от всех удовольствий, подвергнув себя режиму строгого аскетизма и не имея никакого дохода, кроме зарплаты и чаевых в парикмахерской, мой отец получил желанный диплом хирурга с высшими оценками по всем предметам, продемонстрировав тем самым выдающийся пример старания и целеустремленности. Там, в тихой и незаметной борьбе за духовное и физическое пропитание, в атмосфере безразличия и холодности, которая окружала талант беззащитного бедного человека, отец познал ужасы бедности и приобрел сильную привязанность к полезной науке, которая впоследствии, как результат духовной реакции в его сыновьях, причинила так много беспокойства ему и нам.

Несколько лет спустя, когда он уже женился и стал отцом четырех детей, временно занимаясь врачебной практикой в округе Вальпальмас, провинции Сарагоса, он осуществил свой идеал, получив звание доктора медицины.

Я описал здесь эти события из жизни моего отца потому, что они, помимо чести для него, являются также необходимыми предшественниками моей собственной истории. Нет никакого сомнения, что, кроме наследственного влияния, идеи и пример отца явились факторами решающего значения в воспитании его детей и отсюда в значительной степени предопределили их вкусы и наклонности.

О моем родном городе и годах, проведенных в Ларресе и Луне, медицинских округах, где практиковал отец между 1850 и 1856 гг., я не помню почти ничего. Моими первыми воспоминаниями, совсем смутными и неопределенными, является город Ларрес, в который отец переехал через два года после моего рождения с радостными намерениями поработать в своем родном городе, рядом с друзьями и родственниками. Эти воспоминания возникают, как в тумане, на фоне ткацкой мастерской моего деда по матери, которому я доставлял много хлопот, путая его нитки и челноки. По воспоминаниям моих родственников, я был неутомимый маленький дьяволенок, своенравный и невыносимый. В Ларресе родился мой брат Педро, в настоящее время профессор медицинского факультета в Сарагосе.

Когда мне было около 3–4 лет, со мной произошел злосчастный эпизод, который мог бы закончиться трагически. Это было в городе Луна. Я играл на ступеньках общего двора, когда мне пришла в голову дьявольская мысль ударить лошадь. Дикое и злобное животное лягнуло меня с ужасной силой в лоб, так что я упал без сознания, залившись кровью, и все думали, что я умер. Рана была очень серьезной, но я выздоровел, заставив родителей провести несколько дней в большом беспокойстве. Это было мое первое злключение; мы увидим позднее, что оно было не последним.